

Слово редактора

УРОКИ ХАННЫ АРЕНДТ: ВНЕКОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ (статья 1)

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается проблема истины в политике. Основываясь на оригинальной интерпретации концепции Ханны Арендт, автор анализирует конфликты между истиной и политикой, истиной и мнением, истиной разума и истиной факта, позицией философа и позицией гражданина. «Главной правдой XX века», по мнению автора, стала связь между техническим прогрессом в создании средств насилия, который обесмыслил понятие военных преступлений и сделал неизбежной преступную войну, и возникшей системой организованной лжи как оружия в борьбе с истиной в политике.*

Ключевые слова: *истина и политика, истина и мнение, истина разума и истина факта, гражданская позиция.*

Во введении к эссе «Истина и политика» Арендт пишет, что она хочет обсудить два вопроса: всегда ли надо говорить правду? почему в «дебатах» по поводу репортажей Ханны Арендт о процессе в Иерусалиме над нацистским военным преступником Эйхманом (которые затем составили книгу «Банальность зла») звучало много лжи о её репортажах и фактах, которые она сообщала? По мнению Арендт, данные вопросы важны вне контекста, поскольку помещают вечно живую и злободневную тему в «брешь между прошлым и будущим» [Арендт 2013: 334].

Замечание выдающегося политического философа XX века позволяет сформулировать цели предлагаемых статей: дать реферат основных идей, поставленных Ханной Арендт в книге «Банальность зла» и эссе «Истина и политика»; вычлениить и прокомментировать внеконтекстуальные проблемы, содержащиеся в этих трудах. Данные цели связаны с множеством когнитивных и политических мотивов.

Как быть выше толпы?

Внутренние мотивы вытекают из факта: прежде всего я читатель гуманитарно-философской литературы. В начале 2015 года одна дама 52 года спустя напомнила мне, что в ран-

ней юности мы встречались с нею в районной библиотеке одного из украинских городишек и вели разговоры «о высоких материях». Что уже тогда я советовал ей прочесть «Диалектику природы» Ф. Энгельса и внушал: «Надо быть выше толпы», «Надо суметь быть в грязи и не запачкаться». Я эти факты и сентенции уже позабыл. Но знающие меня на протяжении последних пятидесяти лет люди могут свидетельствовать: живу ли я по этим принципам или нет?

В любом случае полувековое чтение, штудирование и перечитывание литературы по различным отраслям гуманитарных знаний привело к тому, что как читатель романов и прочей беллетристики я атрофировался. В любой книге меня интересуют прежде всего идеи. Мои первые аспиранты не дадут соврать: одно время при общении с ними я ставил им вопрос: «Где идея?». За небольшим исключением (о нем надо писать особую статью) обильного урожая идей от своих студентов и аспирантов я пока не собрал. Приходится довольствоваться собственным производством идей, возникающих на стыке между книгами, наблюдением и житейским опытом. После выпуска первой книги старый друг назвал меня экзегетом. Чем я до сих пор горжусь.

Потому что чтение, походы в библиотеку, размышление и обсуждение книг стали образом жизни. Первой прочитанной мною книгой Ханны Арендт были «Истоки тоталитаризма». После чтения у меня возникло чувство досады. Сошлюсь на первоклассного читателя. Александр Генис пишет по поводу «Винни-Пуха»: «К несчастью, я об этом узнал на полвека позже, чем следовало. Советский ребёнок и ел, и читал только то, что доставали родители. Дефицит книг был обиднее продуктового. На не выработавшего иммунитет читателя обрушивалась череда „Моих первых книжек“ под универсальными названиями „Ленин и Жучка“. Хорошо ещё, что оба не оставили следов» [Генис 2103: 251–252].

Возникают вопросы: почему в 18-летнем возрасте я был лишён возможности познакомиться с «Истоками тоталитаризма» и морочил голову ровеснице «Диалектикой природы», которую она все равно не прочла? почему я и мои ровесники смогли прочесть классический текст почти постолетия спустя после выхода? кто выиграл и выигрывает до сих пор от российского отставания на мировом рынке идей? кто ответит за культивирование этого отставания до сих пор, предлагая взамен мировой мысли российско-хуторянскую политологию?

На эти вопросы я не получил ответа до сих пор. Зато после чтения «Истоков тоталитаризма» испытал чувство восхищения перед интеллектуальным мужеством Ханны Арендт. В её книге поставлено множество острых и все ещё не решённых проблем. Среди прочего Арендт обвиняет собственных соплеменников за то, что они сами подготовили Холокост, предоставляя свои денежные мешки в распоряжение власти различных стран Европы в период становления современного государства. Ко времени чтения книги Арендт я уже знал, что Карл Маркс с молодых ногтей презирал банкиров и ставил их ниже промышленников¹. Со времени написания «Тезисов о Фейербахе», в которых чётко сформулировано противопоставление грязно-еврейской (*schmutzlich-judische*) и революционной практики, до теории товарного и денежного фетишизма, развитой в «Капитале», эта нота звучит в творчестве Маркса постоянно. Означает ли этот факт, что в «Истоках тоталитаризма» Арендт развивала данную идею Маркса? Требуется особое исследование для ответа на вопрос, который возник у меня при первом чтении книги. И хотя такого исследования я ещё не провёл, а всю арендтоведческую литературу не проштудировал под этим углом зрения, вопрос не помешал, а даже усилил моё чувство восхищения умнейшей женщиной XX века. Ведь далеко не у каждого мужчины найдётся мужество подвергать критике народ, к которому принадлежишь. Я думаю, пример Ханны Арендт остаётся универсальным и значимым до сих пор. Его можно и нужно распро-

¹ Знал потому, что к тому времени прочёл с карандашом все второе собрание сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса на русском языке.

странить на индивидов всех наций. К своей собственной нации и государству надо относиться наиболее критически! — так звучит урок Ханны Арендт, в том числе по адресу нынешних адептов «русского мира»². Одновременно я убедился в правоте моего школьного учителя, который учил нас: «Женщина облагораживает человека». На основании моего жизненного опыта могу дополнить учителя: далеко не все женщины на это способны. Творчество Ханны Арендт позволяет обсудить проблему интеллектуального благородства.

Теперь скажу о личных сцепках с её творчеством. В 1990 г. я выпустил книгу «Революция и власть», в которой есть глава «Шут или клоун?». В ней я определил Сталина как злого клоуна. Социологические данные свидетельствуют, что до сих пор около 50% населения России все ещё видит в нем «великого человека» и «выдающегося государственного деятеля». Значит, мой подход к Сталину не устарел³. Читая книги Ханны Арендт, я неожиданно обнаружил в ней союзника и одновременно убедился, что открыл велосипед. Среди прочего она пишет, что Гитлер и Сталин «...благодаря их роли в современной истории, незаслуженно удостоились канонических биографий. Как бы тщательно Ален Балок в книге о Гитлере и Исаак Дейчер в биографии Сталина ни соблюдали формальные приёмы жанра, взгляд на историю в свете этих не-личностей мог привести только к фальсификации — к вводу этих персонажей в приличное общество и к более тонкому искажению событий. Если мы хотим увидеть и события, и личности в верном масштабе, мы по-прежнему должны обращаться к намного более документированным и фактически неполным биографиям Гитлера и Сталина, написанным соответственно Конрадом Хайденом и Борисом Сувариним» [Арендт 2013: 69].

Прочитав это, я ощутил чувство «избирательного сродства» с Ханной Арендт за оценку советского вождя и нацистского фюрера как серых бездарей, а не «исторических личностей». В книгах и статьях по проблеме бюрократии я многократно писал, что эпигонство и бездарность — главные признаки абсолютного большинства «государственных мужей и полководцев». Этот вывод может быть обоснован методологически, исторически, политически и социологически. А порывшись в Рунете, обнаружил, что книг Конрада Хайдена и Бориса Суварина на русском языке до сих пор нет. По крайней мере, они не переизданы в богатую (для России) на переиздания прошедшую четверть века. Кроме подозрения к этому факту логично предположить, что оценка Ханны Арендт кого-то до сих пор задевает. Уже есть исследования, позволяющие двигаться в этом направлении, как в России, так и мире в целом [Персоналистский режим... 2006; Добровольский 2014]. Значит, её труды имеют прямое отношение к современной политике.

К внешним мотивам статьи следует отнести систему тотальной лжи, которую пропагандирует нынешнее правительство страны в связи с событиями в отношениях между Россией и другими постсоветскими странами, включая Украину. Требуется надёжное теоретическое средство опознания и систематизации лжи для противодействия ей. Я уже писал, что работы Ханны Арендт образуют базис концепта когнитивного сопротивления [Макаренко 2012], но специально под таким углом зрения ещё не рассматривал все её работы. Вначале я хотел просто републиковать эссе «Истина и политика» в нашем журнале. Чтобы получить разрешение на публикацию, позвонил главному редактору издательства Института Гайдара В.В. Анашвили. Там в 2014 г. издан сборник работ Ханны Арендт «Между прошлым и будущим», в кото-

² Ту же идею можно сформулировать в языке Ильи Сельвинского:

Я люблю без лихого гусарства,
Лобызавшего дедов пистоль.
Просто боль моего государства
Это моя боль.

³ Чтобы читатели могли в этом убедиться, помещаю в номере модернизированную статью 25-летней давности «О вкладе товарища Сталина в теорию и практику юмора».

ром опубликована эта статья. Но разрешения не получил. Книга опубликована тиражом 1000 экземпляров на всю Россию. Поэтому реферат основных идей эссе будет способствовать популярности книги. Правда, реферирование входит в состав традиционной доксографии, а некоторые философы (например, Р. Рорти) считают её пережитком. Но даже эта минимальная цель позволяет поставить вопрос: какой подтекст общих положений и рассуждений, содержащихся в эссе «Истина и политика»? Под таким углом зрения я прочёл книгу «Банальность зла». И хочу здесь поделиться с коллегами итогами чтения: «Читательское мастерство шлифуется всю жизнь, никогда не достигая предела, ибо у него нет цели, кроме чистого наслаждения. Чтение есть частное, портативное, общедоступное, каждодневное счастье — для всех и даром» [Генис 2013: 114–15]. Иначе говоря, эта статья может считаться заметками счастливого читателя.

Политический соблазн

«Банальность зла» посвящена описанию судебного процесса над нацистским преступником Эйхманом и мыслей, возникших у Ханны Арендт во время наблюдения и размышления о перипетиях данного процесса. В эпилоге книги Арендт констатирует *главную правду XX века*: к концу Второй мировой войны все понимали, что технический прогресс в создании средств насилия сделал «преступную» войну неизбежной. Устарели различия между солдатом и гражданским лицом, армией и мирным населением, военными объектами и мирными городами, на которых покоились дефиниции военных преступлений Гаагской конференции. «На самом деле эти преступления уже никак не зависели от войны, они ознаменовали собой политику продолжения систематических убийств в мирное время. Перед рассмотрением этого преступления судьи в Нюрнберге чувствовали себя неуверенно и его суть они оставили потомкам в соблазнительно двусмысленном состоянии. Понятие об агрессии как тягчайшем международном преступлении было молча забыто» [Арендт 2008: 383–384].

Продолжение систематических убийств в мирное время и забвение понятия агрессии как тягчайшего международного преступления образуют актуальный до сих пор политический соблазн. Тексты Ханны Арендт могут служить проводником для его конкретного описания. Она напоминает, что в отношении суда над нацистскими военными преступниками было выдвинуто два предложения: создать трибунал из состава стран-победительниц; поскольку преступления нацистов касаются всего человечества, все нации мира должны быть допущены к процессу. Второе предложение выдвинул Карл Ясперс. Но оно осталось до сих пор нереализованным.

Стало быть, в настоящее время мы находимся в двусмысленном положении. Оно определяется нереализованной возможностью всемирного международного суда над военными преступниками в условиях снятия различия между мирным и военным состоянием с одновременным забвением понятия агрессии как тягчайшего международного преступления.

Прежде всего дам очерк аргументов при обосновании указанной главной правды. В «Банальности зла» к ним относятся: описание противоположности между политическим и юридическим подходом к устройству судебного процесса над военными преступниками; характеристика личности военного преступника; описание коллаборационизма с нацистами; феномен законопослушности.

Противоположность между политическим и юридическим подходом к устройству судебного процесса. При организации суда над Эйхманом Д. Бен-Гурион предлагал политический подход. При таком подходе в процессе судебного разбирательства делался упор на обобщающие понятия в ущерб юридической скрупулёзности. Такой подход потребовал бы разоблачения участия всех немецких общественных и властных институтов в «окончательном ре-

шении» еврейского вопроса (всех госслужащих всех министерств; всех регулярных армейских сил с Генеральным штабом; всей юридической системы; всего делового мира). В нацистской Германии все организации и общественные институты участвовали в преступных действиях и операциях [Арендт 2008: 240]. Но обвинение пошло по юридическому пути: прокурор Г. Хаузнер построил его так, что все показания множества свидетелей независимо от их правдивости не имели или почти не имели никакого отношения к конкретным поступкам конкретного обвиняемого. Обвинение тщательно избегало самого взрывоопасного вопроса «о почти поголовном соучастии в преступлении всего народа, а не только тех его представителей, которые были членами нацистской партии» [Арендт 2008: 36].

Характеристика личности Эйхмана включает установление у преступника свойств, присущих большинству подданных тоталитарных государств: стремление принадлежать к иерархическим организациям как главный пункт социальной определённости [Арендт 2008: 58]⁴; неспособность взглянуть на свои действия и мир чужими глазами; пристрастие к бюрократическому стилю речи, в состав которого входят крылатые слова и клише [Арендт 2008: 81]⁵; пустопорожность как уловка для прикрытия бессмыслия [Арендт 2008: 82–83]⁶; отсутствие совести [Арендт 2008: 89]⁷; клоунада и связанная с нею память, которая содержит хаотические отдельные «записи»; такой тип мышления является лучшим доказательством неспособности самостоятельно мыслить, аргументировать, анализировать информацию и предвидеть [Арендт 2008: 90, 126].

Указанные свойства выражаются в лицемерии и самообмане как составной части немецкого национального характера и связывают преступную личность с обществом. «Имеем ли мы здесь классический случай лицемерия, или это проявление самообмана, замешанного на чудовищной глупости?» — ставит вопрос Ханна Арендт. И отвечает: «Немецкое общество, состоявшее из восьмидесяти миллионов человек, так же было защищено от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью, которые стали сутью его, Эйхмана, менталитета» [Арендт 2008: 86]. Иначе говоря, свойства Эйхмана являются его личной принадлежностью в той же степени, в которой они являются характеристикой всего общества.

В результате такой взаимосвязи возникают когнитивно-социальные предпосылки *цепи всеобщей лжи, на которой базируется коллаборационизм*. Перед окончательным решением еврейского вопроса немцы создали юденраты, в состав которых входило руководство еврейских общин. Ханна Арендт показывает, что без помощи самих евреев в административной и полицейской работе по истреблению евреев царил бы полнейший хаос, который отвлек бы немцев от выполнения их важных задач. Членами юденратов становились лидеры местных евреев, которых наци наделяли огромной властью. Во всех городах (Амстердам,

⁴ Для Эйхмана дата победы над Германией (8 мая 1945 г.) имела значение потому, что с этого момента он переставал быть членом какой бы то ни было организации. «Я чувствовал, — признавался следователю Эйхман, — что мне предстоит трудная жизнь, жизнь индивидуума, у которого нет вождя, мне больше не от кого будет получать указания, больше мне не будут отдаваться приказы и команды, и больше не будет чётких предписаний, с которыми я мог бы сверяться, — короче, передо мной лежала совершенно неизвестная и непонятная мне жизнь».

⁵ «Но этот бюрократический стиль стал его языком потому, что он действительно не был способен произнести ни одной неклишированной фразы».

⁶ «И чем дольше вы его слушали, тем становилось более понятным, что его неспособность выразить свою мысль напрямую связана с его неспособностью мыслить, а именно неспособностью оценивать ситуацию с иной, отличной от собственной точки зрения».

⁷ Во время следствия судьи пытались достучаться до совести Эйхмана. И разозлились, когда поняли, «что в распоряжении обвиняемого имеется разнообразнейший набор клише на каждый момент его жизни и на каждый вид деятельности».

Варшава, Берлин, Будапешт) на еврейских функционеров можно было положиться во всем — в составлении списков людей и их собственности, в собирании с депортированных средств, призванных возместить расходы на их депортацию и уничтожение, в составлении перечня опустевших квартир, в предоставлении полиции сил для отлова евреев и посадки их в поезда, в передаче всех средств и собственности самой общинной администрации для окончательной конфискации. Всеми смертными списками евреев ведала еврейская администрация. А еврейская милиция разыскивала тех немногих, кто пытался спрятаться или сбежать.

«Хорошо известный факт, — пишет Ханна Арендт, — что реальная работа по уничтожению велась руками еврейских отрядов, был чётко и в деталях подтвержден свидетелями обвинения — рассказами о том, как трудились члены этих отрядов в газовых камерах и крематориях, как вырывали у трупов золотые зубы и отрезали волосы, как копали могилы, а затем снова раскапывали их, чтобы уничтожить следы массовых убийств, как еврейские техники строили в Терезине газовые камеры — там, в Терезине, еврейская „автономия“ была настолько полной, что вешателями тоже были евреи» [Арендт 2008: 184–185].

Иначе говоря, всеобщие свойства германского народа переплетены с всеобщим сотрудничеством евреев с нацистской властью. Главной моральной проблемой была кооперация между нацистскими правителями и еврейскими властями. Полиция гетто была инструментом в руках убийц. «Где бы ни жили евреи, у них были свои признанные лидеры, и почти все их них — за малым исключением — тем или иным образом, по той или иной причине сотрудничали с нацистами. *Всей правдой было то, что если бы еврейский народ действительно был не организован и у него не было бы вожаков, тогда воцарился бы хаос, и было бы множество великое страданий, но общее число жертв вряд ли бы тогда составило от четырех с половиной до шести миллионов*» (курсив мой. — В.М.) [Арендт 2008: 188].

На основе этого ключевого факта Ханна Арендт обсуждает проблему *законопослушного гражданина*. Истребление евреев осуществлялось с чудовищной тщательностью. Одни считают её типичной для немцев, другие видят в ней свойство идеальной бюрократии. Но в небольшой степени она была порождена распространенным в Германии странным представлением: законопослушание означает не просто подчинение законам, а такое поведение, при котором человек становится создателем законов, которым он подчиняется. Иначе говоря, недостаточно просто следовать обязанностям и долгу. В процессе расследования Эйхман заявил, что всю жизнь он следовал моральным представлениям Канта, особенно определению долга. Но он изменил кантовскую формулировку: «Поступай так, чтобы нормы твоих поступков были такими же, как у тех, кто пишет законы, или у самих законов твоей страны». Здесь он повторил формулировку категорического императива третьего рейха, сделанную Гансом Франком: «Поступай так, чтобы фюрер, узнав о твоих поступках, мог тебя за них похвалить» [Арендт 2008: 205].

Европу объединил антисемитизм. Арендт детально описала депортацию евреев из Германии, Австрии, протектората, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Италии, Югославии, Болгарии, Греции, Румынии, Венгрии и Словакии, центров умерщвления на Востоке в концлагеря и констатировала: «Конец света, хотя и проведённый очень буднично, принял почти столько же форм и обличий, сколько в то время существовало стран в Европе» [Арендт 2008: 232].

На основе этих фактов и истин Ханна Арендт написала эссе «Истина и политика», в котором обсуждаются ключевые политико-философские и теоретические проблемы, актуальные до сих пор. Поэтому пришлось свести к минимуму историко-философский пласт эссе, интересный сам по себе.

Неудобные вопросы

Прежде всего она анализирует представление о противоположности между истиной и политикой. Ложь всегда считалась необходимым и оправданным инструментом политика, демагога, государственного деятеля. Арендт ставит ряд неудобных вопросов: каковы причины этого представления? как оно сказывается на природе и достоинстве политики и истины? бессильна ли истина и лжива ли власть по своей сущности? в каком смысле истина действительна, если у неё нет власти в публичной сфере? не заслуживает ли бессильная истина такого же презрения, как власть, которой до истины нет дела?

Ответ на вопросы Арендт начинает с анализа древнего изречения: «Да свершится справедливость, хоть мир пропадай». Большинство думает, что выживание мира надо предпочесть справедливости. Только Кант пошёл против течения⁸. Но кантово толкование этой максимы остаётся проблематичным. Большинство считает, что забота о существовании выше всех добродетелей и принципов. Отсюда вытекает другая банальность: всякое государство обязано признать собственное самосохранение наивысшим законом, которому должна служить политика. В этом смысле ложь может хорошо служить созданию или поддержанию условий, требуемых для поиска истины. А поскольку ложь часто используют взамен насилия, её можно считать безвредным орудием из политического арсенала.

С этого пункта Арендт начинает опровергать сложившееся убеждение. По её мнению, ради сохранения мира можно пожертвовать любым другим принципом (включая справедливость и свободу), но *только* не истиной. Выживание мира невозможно без истины. Мир никогда не сможет выжить при отсутствии людей, готовых рассказывать о том, что есть на самом деле.

Конфликт между истиной и политикой имеет долгую и сложную историю. Риск поиска и рассказа истины известен давно. Если искатели и рассказчики истины не вмешивались в жизнь, над ними смеялись. Едва они заставляли сограждан принять истину всерьёз ради освобождения от лжи и иллюзий, над ними нависала смертельная опасность. Платон зафиксировал конфликт между рассказчиком истины и гражданами, но не объяснил любовь людей ко лжи и обману. В более поздних теориях оправдывалась ложь ради выживания города. Гоббс утверждал, что «такая истина, которая не противоречит ничьей выгоде или удовольствию, приветствуется всеми людьми». Ханна Арендт уточняет содержание спора⁹.

В Новое время Лейбниц провёл различие между истинами разума и истинами факта. На основе этого разделения Ханна Арендт стремится выяснить, какой вред способна причинить истине политическая власть. Исходный пример истины факта: ни в одной советской книге по истории не упоминается роль Троцкого в Октябрьской революции. Такая правда уязвимее всех истин разума, вместе взятых. А поскольку факты и события образуют ткань политиче-

⁸ Он объяснил, что это изречение означает на простом языке «Да воцарится справедливость, даже если при этом погибнут на свете все плуты». По его мнению, нет смысла жить в мире, из которого полностью исчезла справедливость. Поэтому данное «право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти... какие бы ни были от этого физические последствия».

⁹ По её мнению, существует большая разница между математической аксиомой Гоббса и платоновским истинным мериллом человеческого поведения, с которым философ должен вернуться из своего путешествия к небу идей. Гоббсовский пример относительно безобиден; мы склонны считать, что человеческий ум всегда сумеет воспроизвести такие аксиоматические положения, как «три угла треугольника равны двум углам квадрата», а потому делаем вывод, что «сожжение всех книг по геометрии» не даст большого эффекта. Опасность была бы больше, если бы дело касалось научных открытий: пойдя история другим путём, всего современного научного прогресса от Галилея до Эйнштейна могло бы не случиться. А самыми уязвимыми истинами были бы те разнообразные и уникальные цепи мыслей (типа платоновского учения об идеях), строя которые люди с незапамятных времён пытались разумно размышлять о том, что недоступно человеческому познанию.

ского пространства, истина факта интересует Арендт в первую очередь. Если суверен атакует истины разума, он преступает границы своего суверенитета. Но когда он подделывает и перевирает истины факта, он сражается на своей территории. Поэтому у истины факта мало шансов пережить натиск со стороны власти; всегда сохраняется опасность, что её навсегда удалят из мира. Факты и события возникают в меняющейся области человеческих дел, тогда как структура ума остаётся постоянной. Стоит их утратить, и никакие усилия разума не помогут их вернуть. Крайне мало шансов на то, что какой-нибудь важный факт, который забыли или перевернули, откроют заново.

Проблема первостепенной важности

В политике значимы истины фактов. Но конфликт между истиной и политикой впервые обнаружился в связи с истиной разума. Ложное утверждение есть либо заблуждение и невежество (в науке), либо иллюзия и мнение (в философии). Намеренный обман и прямая ложь играют роль только в сфере высказываний о фактах. Однако никто из участников длительной дискуссии об антагонизме истины и политики (от Платона до Гоббса) не думал, что организованная ложь, какой мы знаем её сегодня, может стать эффективным оружием в борьбе с истиной¹⁰. В связи с этим Арендт ставит вопросы: объясняется ли это тем, что тогда была ещё неизвестна организованная политическая ложь в отличие от частного лжеца? или это связано с фактом: ни одна из религий, за исключением зороастризма, не включала в перечень смертных грехов ложь как таковую, а не просто «лжесвидетельство»? Ложь стала считаться серьёзным преступлением только по мере появления пуританской морали и организованной науки (прогресс которой базировался на твёрдой почве абсолютной правдивости и надёжности каждого учёного).

Конфликт между истиной и политикой возник из противоположности образов жизни философа и гражданина. Человеческие дела и мнения меняются постоянно. Философ обретает истину о вечных идеях ради извлечения из них принципов для упорядочивания человеческих дел. В отличие от истины, мнение (иллюзия) является неотъемлемым условием всякой власти. Антагонизм истины и мнения был развит Платоном как противостояние между общением в форме «диалога», подходящим для философских истин, и в форме «риторики», с помощью которой демагог уговаривает множество. «Все правительства опираются на мнение», — сказал Джеймс Мэдисон; даже самодержец и тиран никогда не смог бы прийти к власти и удержать её без поддержки своих единомышленников. В области человеческих дел лобное притязание на абсолютную истину, не нуждающуюся в том, чтобы её поддержало мнение, рубит всякую политику и правление под самый корень.

В нынешнем мире почти не осталось следов этого исходного конфликта¹¹. Арендт под-

¹⁰ Рассказчик истины у Платона рискует жизнью, а у Гоббса превращается в автора, которому грозят сожжением его книг. Платона больше беспокоят софист и невежа, а не лжец, и характерно, что, когда он проводит различие между заблуждением и ложью, он куда беспощаднее к тем, кто «валяется в свинячем невежестве», нежели к лжецам.

¹¹ Такие следы можно обнаружить в ранние периоды Нового времени. У Гоббса мы ещё находим противопоставление двух «способностей противоположного характера»: «основательного рассуждения» и «могущественного красноречия». Первая «основана на принципах истины, вторая — на мнениях..., страстях и интересах людей, которые различны и изменчивы». В эпоху Просвещения эти следы почти исчезли, а там, где древний антагонизм сохранился, акценты сместились. Изречение Лессинга «Пусть каждый говорит то, что считает истиной, а сама истина пусть будет вверена Богу» означало: возблагодарим Бога за то, что мы не знаем *единой* истины. Начиная с XVIII века осознание хрупкости человеческого разума повсеместно укрепляется, не вызывая ни жалоб, ни скорбного плача. Это осознание содержится в кантовской грандиозной «Критике чистого разума», подводящей разум к признанию собственной ограниченности. Оно слышно также в словах Мэдисона, который подчеркивал, что «в одиночестве разум человека робок и осмотрителен, но становится тем тверже и увереннее, чем

чёркивает важность вопроса о количестве, поставленного Мэдисоном. Переход от истины разума к мнению подразумевает переход от человека в единственном числе к людям во множественном. Это означает переход из области, где значение имеют исключительно «основательные рассуждения» собственного ума, в сферу, где «сила мнения» индивида зависит от «числа лиц, которые это мнение с ним разделяют». Мэдисон отличает жизнь гражданина от жизни философа, которому подобные соображения «не следует принимать во внимание». Но на практике это разделение не имеет никаких следствий, ведь «о народе философов, как и о династии царей-философов, которую так жаждал Платон, можно только мечтать». Арндт замечает мимоходом, что для Платона само понятие «народа философов» было бы самопротиворечивым, ведь вся его политическая философия, включая её тиранические штрихи, основывается на убеждении: истина не может быть ни усвоена многими, ни сообщена им.

Сегодня древнее противостояние между истиной философа и мнениями рыночной площади исчезли. Разделение церкви и государства превратило истину откровения в частное дело. Истина философа уже не притязает на власть. Современные идеологии не являются философиями, поскольку их приверженцы объявляют идеологии политическим оружием и считают вопрос об истине и истинности неуместным. Может показаться, что правомерно сделать вывод: старый конфликт улажен, поскольку исчезла его первопричина — столкновение истины разума и мнения.

Арндт отвергает этот вывод. В нынешнюю эпоху терпят много различных философских и религиозных мнений. Но столкновение политики и истины факта расширилось и обострилось. Истину факта, если ей случается встать на пути у выгоды или удовольствия определённой группы, воспринимают сегодня враждебнее, чем когда-либо. Связь с прошлым сохраняется: государственные тайны существуют по-прежнему; правительства сортируют и препятствуют огласке информации; с теми, кто раскрывает тайны, обходятся как с предателями. Но Арндт интересуется известными фактами, которые исключаются из сферы публичного обсуждения. Их констатация влечёт те же опасности, какие в прежние времена влек атеизм и прочие ереси. Этот феномен расцвёл в странах, управляемых тиранически и идеологически. Например, в гитлеровской Германии и сталинской России существование концлагерей и ГУЛАГа не скрывалось. Но публично говорить о них было опаснее, чем исповедовать «еретические» взгляды на антисемитизм, расизм и коммунизм. Но и в свободных странах неудобные истины факта превращают в мнения. Речь идёт о следующих истинах факта: поддержка Гитлера немцами; беспомощность Франции перед лицом немецких войск в 1940 году; политика

большее число лиц к нему присоединяются». Эти рассуждения сыграли куда более важную роль в довольно успешной в итоге борьбе за свободу мысли, слова и печати, чем представления об индивидуальном праве на самовыражение. Например, Спиноза все ещё верил в непогрешимость человеческого разума, поэтому его часто ошибочно считают поборником свободы мысли и слова, полагал, что «каждый по непреложному праву природы есть господин своих мыслей», что «каждый обладает в достаточной степени своим разумением и что во взглядах существует столько же различий, как и во вкусах». Из этого он делал вывод: лучше узаконить то, что нельзя отменить; запрет свободы мысли привел бы лишь к тому, что люди думали бы одно, а говорили другое; в результате откровенность была бы изгнана, а вероломство нашло бы покровительство. Но Спиноза нигде не требует свободы слова. Довод о том, что человеческому разуму необходимо общение с другими, а значит публичность, у него отсутствует. Он даже относит человеческую потребность в общении, неспособность скрывать свои мысли и молчать к обычным недостаткам, которых философ лишен. Кант, наоборот, утверждал, что «внешняя власть, которая лишает людей свободы сообщать свои мысли публично, *отнимает у них вместе с тем и свободу мыслить*» (курсив Ханны Арндт. В.М.). Единственная гарантия «правильности» нашего мышления заключается в том, что мы мыслим «как бы сообща с теми, с кем обмениваемся своими мыслями». Человеческий разум, будучи подвержен ошибкам, может нормально работать только при условии его «публичного использования», и это в равной степени относится как к тем, кто ещё не вышел из несовершеннолетия и неспособен использовать свой ум «без руководства со стороны кого-то другого», так и к «ученому», которому требуется «все читающая публика» для проверки и контроля полученных им результатов.

Ватикана во время Второй мировой войны. Подобные истины факта относятся к политике, но речь здесь не идёт о напряжении между философским и гражданским образами жизни. На карту ставится общая реальность в её фактичности, — такова политическая проблема перво-степенной важности. Истина факта менее дискуссионна, чем философская истина, и доступна каждому. Однако на рыночной площади её ждёт та же судьба: с ней борются не ложью или намеренной неправдой, а мнением. Поэтому Ханна Арендт заново проблематизирует старую противоположность истины и мнения.

Тенденция превращать факт во мнение мешает рассказчику истины не меньше, чем трудность, изложенная в аллегории пещеры¹². Но ещё хуже тому, кто сообщает об истине факта. Он не путешествовал по ту сторону человеческих дел и не может тешиться мыслью, что стал в этом мире чужаком. Равным образом у нас нет права утешать себя представлением, будто его истина происходит не из этого мира. Если его простые утверждения о фактах, — истинах, увиденных и засвидетельствованных телесными глазами, а не мысленным взором, — не принимаются, то возникает подозрение, что такова сама природа политики — отрицать или извращать истину любого рода. Когда философская истина вступает на рыночную площадь, она меняет свою природу и становится мнением, поскольку происходит переход не от одного типа рассуждения к другому, но от одного способа существования к другому.

Наоборот, истина факта касается событий и обстоятельств, в которые вовлечено много людей; она устанавливается свидетелями и зависит от их свидетельств; она существует лишь в той степени, в какой о ней говорят, даже если возникла в частной области; она политическая по природе. Факты и мнения принадлежат к одной и той же сфере. Факты дают пищу для мнений, а мнения, вдохновляемые различными интересами и страстями, могут сильно расходиться и все-таки оставаться правомерными в той мере, в какой они уважают истину факта. Свобода мнения — фарс, если информация о фактах не предоставлена, а сами факты остаются предметом спора. Истина факта даёт пищу для политической мысли точно так же, как истина разума — для философской спекуляции.

Но существуют ли вообще факты, независимые от мнений и интерпретаций? — ставит вопрос Ханна Арендт. Поколения историков и философов истории доказали, что невозможно установить факты, не прибегая к интерпретации, поскольку их надо сначала выделить из хаоса событий (а принципы выбора не являются фактическими данными), а потом встроить в некую историю, которую можно рассказать только исходя из определённой перспективы, не имеющей отношения к произошедшему. Эти трудности реальны. Но они не означают, что фактов не существует, и не могут оправдывать стирание границ между фактом, мнением и интерпретацией или служить отговоркой для историка, манипулирующего фактами по своему произволу. Даже если мы признаем за каждым поколением право писать свою собственную историю, мы этим признаем лишь то, что у него есть право перегруппировывать факты в соответствии со своей собственной перспективой; мы не признаем права прикасаться к самому фактическому материалу. Для иллюстрации этой мысли Арендт рассказывает, а затем комментирует один факт¹³. Она подчёркивает, что её интересуют именно такие грубые факты, которые принимаются как данность даже крайними приверженцами историцизма.

¹² Согласно этой аллегории, когда философ, вернувшись из своего уединённого путешествия к небу вечных идей, пытается сообщить свою истину множеству, это ведёт к тому, что она теряется и разнообразию взглядов (которые для него — иллюзии) и низводится до неопределённого уровня мнения. В итоге по возвращении философа в пещеру сама истина является в облике «мне кажется» — тех самых мнений, которые он надеялся раз и навсегда оставить позади.

¹³ В 20-е годы, незадолго до своей смерти, Клемансо по-дружески беседовал с одним представителем Веймарской республики. Речь зашла о вине за начало Первой мировой войны. «Что, по вашему мнению, — спросили у Клемансо, — скажут по этой трудной и противоречивой теме историки будущего?» И он ответил: «Не знаю. Но я точно знаю, что они не скажут, будто это Бельгия напала на Германию».

Конечно, недостаточно одной лишь прихоти историков для того, чтобы устранить из сводок факт: в ночь на 4-е августа 1914 года немецкие войска пересекли бельгийскую границу; потребовалась бы по меньшей мере монополия на власть над всем цивилизованным миром. Но в корне неверно думать, будто такая монополия невообразима, и нетрудно предсказать, какова была бы судьба истины факта, если бы её в конечном счёте решали властные интересы — государственные или общественные. А это возвращает нас к подозрению: политическая сфера в силу самой своей природы противоборствует истине во всех её формах. Почему же приверженность даже фактической истине воспринимается как антиполитическое настроение?

Первый комментарий

В трудах Ханна Арентс содержится система критериев для описания и оценки социальных и политических процессов XXI века. Главная правда XX века — технический прогресс в создании средств насилия сделал преступную войну неизбежной. Устарели различия между солдатом и гражданским лицом, армией и мирным населением, военными объектами и мирными городами, на которых покоились дефиниции военных преступлений Гаагской конференции. Военные преступления ознаменовали политику продолжения систематических убийств в мирное время. Двусмысленность Нюрнбергского процесса до сих пор не преодолена. Понятие агрессии как тягчайшего международного преступления забыто. Для оценки современных событий в отношениях России с сопредельными странами надо учитывать множество внеконтекстуальных объектов анализа, истин и аргументов.

Прежде всего необходимо описание противоположности между политическим и юридическим подходом к устройству судебных процессов и выявление конкретных мер индивидуального, группового, социального, национального и институционального коллаборационизма во множестве постсоветских государств. Эта мера определяет когнитивно-социальные предпосылки цепи всеобщей лжи, на которой базируется коллаборационизм по отношению к «своей чужой» власти [Макаренко 2010]. Мера законопослушности граждан зависит от степени их противодействия любой персонификации законов и власти.

По отношению к любой системе власти надо ставить неудобные вопросы для выявления конкретной противоположности между истиной и политикой в условиях данного места и времени. Выживание мира не следует предпочитать справедливости. Государство не обязано признавать собственное самосохранение высшим законом, которому должна служить политика. Выживание мира и государства невозможно без истины. В конкретно-исторических обстоятельствах данного государства надо выявлять меру конфликта между истиной и политикой, а также объяснить причины любви людей ко лжи и обману. При этом можно исходить из различия между истинами разума и истинами факта и выявлять меру вреда, который нанесла истине конкретная система политической власти. Участие государства в написании истории всегда связано с деформацией реального исторического процесса. У истины факта до сих пор было мало шансов пережить натиск со стороны власти.

В политике значимы истины фактов. В XX веке сложилась система организованной лжи как оружия в борьбе с истиной. Большинство религий не включают ложь в перечень смертных грехов. Поэтому религии (за исключением зороастризма) не помогают установить истину. Этому способствуют только пуританская мораль и организованная наука. В человеческих делах любое притязание на абсолютную истину наносит вред политике и правлению. Ложно представление о том, что истина не может быть ни усвоена, ни сообщена большинству людей.

В нынешнюю эпоху расширился и обострился конфликт между политикой и истинами факта. Истину факта, если она стоит на пути у выгоды, удовольствия и власти, воспринимают сегодня враждебнее, чем в прошлом. Этот феномен расцвёл в тиранических и идеологических странах, а в свободных странах неудобные истины факта превратили в мнения. Поэтому в каждой конкретной стране надо заново проблематизировать противоположность истины и мнения.

Природа политики — отрицание или извращение любых истин. Свобода мнения — фарс, если не даётся адекватная информация о фактах, а сами факты остаются предметом спора. Право каждого поколения писать собственную историю не даёт права прикасаться к фактическому материалу. Государственные и общественные интересы противостоят истине. Политика в силу своей природы противоборствует всем формам истины.

Идеи Ханны Арендт требуют всестороннего обдумывания и применения ко всем сферам внешней и внутренней политики всех обществ и государств. Особенно они применимы к описанию политической истории России на основе опыта людей, переживших эту историю и сохранивших ясность ума, несмотря ни на какие обстоятельства.

Арендт Х. 2003. *Люди в тёмные времена*. — М.: Московская школа политических исследований.

Арендт Х. 2008. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. — М.: Издательство «Европа».

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдара.

Генис А. 2013. *Уроки чтения: камасутра книжника*. — М.: АСТ.

Добровольский Я. 2014. *Философия глупости. История и реальность того, что иррационально*. / Пер. с польск. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр».

Макаренко В.П. 2010. «Свой чужой»: концепт русской власти — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2.

Макаренко В.П. 2012. Проблема когнитивного сопротивления — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2.

Персоналистский режим... 2006. *Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа*. — М.: Фонд «Либеральная миссия».